

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

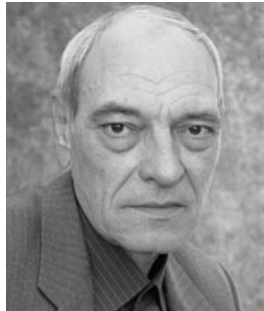
ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
СЕНТЯБРЬ 2018 г. ● № 9 (263)
ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Пётр КРАСНОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ и КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД

К 190-летию со дня рождения

Эпиграфом к этой теме можно было бы поставить слова самого Льва Николаевича: "Мы, господа, взялись за то, чтобы прокормить кормильца — того, кто сам кормил и кормит нас..."

Не берусь "поднять" означенную и весьма обширную проблему даже в общих чертах, настолько она разработана и описана и Львом Николаевичем, и его современниками, и более поздними научными исследованиями. Хочу только обратить внимание на несколько ключевых моментов и факторов этого вопроса.

Статистика Российской Империи была поставлена, надо признать, на весьма неплохой уровень точности и гласности — в отличие, кстати, от современной: мне пришлось, прокорма ради, лет пятнадцать назад редактировать юбилейный сборник оренбургской статистики, и я столкнулся с такой засекреченностью даже простейших данных, что куда там нашей оборонке...

Так вот, ныне весьма широко распространён миф о якобы сверхдоступности для населения и низжайших ценах на продукты питания, какой делал Империя страной изобилия с молочными реками и кисельными берегами. Более далёкого от правды было бы трудно подыскать. При считавшейся минимальной норме крестьянского, подчеркну, питания около 20 пудов зерна на человека в год по статистике выходило в среднем по стране на треть ниже — 14 пудов, что могло означать лишь одно: жизнь в среднерусской деревне конца XIX — начала XX века протекала при постоянном фоновом недоедании значительной части населения.

А при неурожае каждые 4-5 лет оно принимало масштабы массового голодомора, охватывавшего десятков другой губерний и десятки миллионов людей с неисчислимыми потерями-смертями, с тифом и цингой, чаще всего с разорением не только бедных, но и середняцких дворовых хозяйств.

По сравнению с уже тогда "загнивавшим" Западом в начале XX века академик И.Р. Тарханов в статье "Нужды народного питания" приводит данные в сопоставимых цифрах-ценах, совершенно позорные для хваленной царской России. Растительной пищи сельские немцы потребляли в два раза больше, чем русские, животной же в три с лишним раза; французы соответственно в 2,5 и в 4 раза; англичане в 2 и 7 раз, а североамериканские селяне в 2 и 4,5 раза... По одному опросу, из рекрутов, набравшихся в основном из русских крестьян, около 40% их впервые попросили мясо, лишь будучи призваны в армию; и дело дошло тогда до телесного вырождения, число негодных от недокорма среди них за десятилетие возросло с 6% до 13%...

Да это и немудрено было: 31,6 % крестьянских дворов были безлошадными, а это — нищета, а 32,1% имело по одной лошади, и много ли с ней напашешь-наработаешь? До нового хлеба вряд ли прокормишь даже в урожайный год, не прибегая к матушке-лебедю...

Об этом говорит и расклад, проведённый Львом Николаевичем осенью в голод 1891 года в деревнях Крапивенского уезда: "...процент богатых, средних и плохих почти один и тот же: 50% или около того средних, т.е. таких, которые в нынешнем году съедят все свои продовольствия до декабря, 20% богатых и 30% совсем плохих, которым уже теперь или через месяц будет есть нечего...". В Богородицком, Епифановском и Ефремовском уездах, пишет он, положение ещё хуже. "Общие же хронические причины бедствий тоже во много раз более сильные, чем неурожай. Как и везде: малоземельность, пожары, сороры, пьянство, упадок духа..."

Ключевое слово здесь — хронические, и этой "хронике" было уже без малого два столетия. Я уже довольно подробно писал в своих статьях "Лимиты революции" и "Русские в Империи" (*журнал "Наш современник" №8/2017 г. и №3/2018 г.*) о том, что в конце 20-х годов XVIII столетия верховная власть в России была перехвачена после смерти Петра I "немцами". Конечной точкой в этом стало во многом "антинаемецкое" восстание декабристов — тогда-то, утверждал В.О.Ключевский, "кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря..."

Но политическая роль эта закончилась гораздо раньше. "Европеизация" верхнего меньшинства и его разрыв с нижним подавляющим (и подавляемым) большинством уже при Екатерине II окончательно принял цивилизационный характер, весьма чётко обозначив себя в языковом (переход в высшем свете на французский и немецкий) и общекультурном плане, не говоря уж о социальном. А между тем этот цивилизационный разрыв является главным признаком колониализма как такового — в данном случае "внутреннего", внутрироссийского, обращённого на свои народные низы, на крестьянство, составлявшее более восьми десятых всего населения страны.

Надо понимать, что отдав в чужие руки верховную власть, русская элита фактически утратила и свою властную субъектность, независимость и была, по сути, отстранена от принятия важнейших, а подчас и судьбоносных для страны и народа решений. Потеряв верховную — законодательную, исполнительную и судебную — власть, она утратила вместе с нею и *стратегическое проектное мышление*, саму возможность постановки и достижения своих, русских долговременных целей, то, что называют презревающей в грядущее "длинной волей".

Гораздо раньше Ключевского в этом сполна убедился Ф.И.Тютчев, посвятивший русской дипломатии всю свою жизнь и отмечавший в окружении-среде немецких "Романовых" бросающийся в глаза "черту, самую отличительную из всех — презрительную и тулупу ненависти ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального...". А уж ему-то можно и нужно верить больше, чем кому-либо.

И наша современная историческая наука или не видит, или попросту игнорирует ситуацию того достаточно жёсткого и по сути, по всем фактам колониального немецкого засилья в дореволюционной России. Вот и М.О.Меньшиков задался возмущённым вопросом: "Чьё государство Россия?" — так и назвав свою статью в 1908 году. "Если

немцы, которых 1 процент в Империи, захватили кое-где уже 75 процентов государственных должностей, то... смешно даже говорить о русском господстве..."

Я вовсе не сторонник сослагательного наклонения в истории: что было бы, мол, если... Случиться могло только то, что случилось, и гадать, что было бы, сохранись в России национальная, русская верховная власть, не приходится. Зато мы видим результаты внутренней социальной политики полностью онемеченной династии и её, по сути, аборигенских вассалов по отношению к подавляемому большинству русского народа, которую иначе как колониальной и не назовёшь.

В то время как в основных европейских странах дело постепенно велось на государственном уровне к освобождению земледельцев и к улучшению их положения, к рациональному ведению и укреплению сельского хозяйства вообще, в России ещё при первых императрицах бироны-остерманы-минихи вместе с автохтонной, недалёкой и корыстной дворянской верхушкой приступили к окончательному закабалению, ужесточению положения крестьян в формах самого неприкрытого рабства и хищнической, паразитарной по сути эксплуатации их дармового труда, мало чем отличающейся от европейски "прогрессивного" угнетения в западных колониях Азии и Африки.

Мы хвалились тем, что в России отменили рабство коренного населения на два года раньше, чем в Америке в отношении завезённых чёрных рабов... Нашли чем хвалиться, недоумки. Значимое, конечно же, но во многом и формальное "освобождение" 1861 года ни в чём не убавило повальной бедности, а чаще откровенной нищеты среднерусской деревни, а материальная власть над ней как была, так и осталась помещичьей и кулацкой. И никакие успехи Империи, как внутри-, так и внешнеполитические, никак не сказались, считай, на достатке русских крестьян, оставив его в начале XX века едва ли не на уровне середины века восемнадцатого.

Эта системная запущенность сельского хозяйства и нехватка пропитания из-за провального внешнеторгового баланса усугублялись так называемым "голодным экспортом" хлеба и всякого иного продовольствия на Запад под циничным чиновничьим посылом "не доедим, но вывезем".

А из Америки навстречу потокам этого экспорта прислали два парохода с гуманитарным зерном для голодных русских хлебопашцев, что увековечено самим Айвазовским...

Причины этого крайнего неблагополучия крылись прежде всего в глубоком сдвоенном системном кризисе как общинного малоземельного крестьянства, так и землевладельческого дворянства, паразитирующего на нём. А эксплуатация дармового труда, как известно, куда больше развращает господ, чем рабов. Тогда же переживала внутренний системный кризис и третья составляющая пресловутой уваровской триады — официальное православие, давно лишённое патриаршества. И весь voluntary и involuntary яд, заключённый в толстовском эпиграфе к моему сообщению, адресован правящей немецко-дворянской верхушке страны, не имеющей ни желания, ни умения преодолеть классовый эгоизм и своекорыстие для поиска реальных, действительных выходов из "чёрного тупика", как называли эту трагическую проблему русского народа. Разрешиться она могла только через кардинальную смену всей системы государственного хозяйствования, земледелия и, конечно же, самого этого "романовского колониализма", где девять из десяти самых крупных банков были иностранные, а страна находилась в полной финансовой зависимости и технологической отсталости, и для того, скажем, чтобы построить на собственной земле своими руками и материалами железную дорогу или завод, надо было брать западные кредиты, — как, впрочем, и сейчас...

Пытаясь разобраться во всех этих причинах крестьянского — как "христианского" именно — голода, Лев Толстой, конечно же, не мог не прийти в очередной раз к выводу, что христианская религия в Третьем Риме цинично использована правящим меньшинством как орудие обмена и паразитарной эксплуатации трудового большинства, не только далёкое, но прямо противоположное учению Христа.

Здесь все истоки толстовского учения и его подлинно христианской этики, противопоставленной официальному православию, идеологически "крышующему" произвол и паразитизм меньшинства.

В церковном клире сейчас весьма споро и скоро идёт и, по сути, уже завершается достаточно заметная народу смена поколений. Места батюшек, прошедших и переживших все препоны советских времён и межвременья "криминальной революции" девяностых, занимают новые, деловые и хваткие священники-менеджеры, заточенные на социальную и прочую экспансию и на симпатичный союз с нынешней властью, мягко говоря, богатых, а потому заведомо безнравственных, — и опять "наспротив" народа, позволяющего спросить? Убывающее количество школ в стране (около 42 тысяч) скоро сравняется с прибывающим количеством действующих храмов (35 тысяч плюс 6 тысяч уже переданных Церкви, но ещё не введённых "в строй").

А закрываются школы в первую очередь на селе, стремительно деградирующем, подпадшем под агропромышленные латифундии латиноамериканского образца, которых никакая "социалка" не интересует, только выжатая из земли и людей прибыль.

Колхозы и совхозы, на которых сравнительно неплохо держалось советское сельское хозяйство и само социальное положение сельчан, было целенаправленно, намеренно и с преступным рвением разрушены, на простак разрекламированное взаим фермерство агонизирует, и даже крупные и ранее благополучные сёла вымирают, обезлюживаются и впадают в социальную прострацию, не говоря уж о многих тысячах деревень, попросту стёртых человеконенавистническими "реформами" с карты...

Кто думает в наших верхах о тягчайших последствиях всего этого? Что-то не видно и не слышно таковых. Не помогают и храмы со служителями, сыто кормящимися с бедной, а то и откровенно нищей паствы и с подачек ожиревшего — и союзного им — олигархата.

И что же, нынешний столь же "недоразвитый", как и в Империи, капитализм в Эрэфии явно идёт к повторению — правда, на другом социально-политическом уровне, — ситуаций 1905-1917 годов?

Вопросы, как видите, давно назревшие и далеко не праздные. И шансов быть услышанным у Льва Николаевича сейчас было бы ещё меньше.

Самые радостные и доброжелательные. Книжная ярмарка ВДНХ

Взгляд изнутри

Наученный предыдущим опытом книжной ярмарки на Красной площади этим летом, Союз писателей России подготовился к 31-й выставке-ярмарке на ВДНХ заранее. Мы запаслись книгами мэтров, помимо сочинений современных писателей: на стенде можно было найти произведения Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Личутина, Михаила Лобанова, Татьяны Глушковой и многих других; закупили ценники; концептуально оформили импровизированную витрину. Место, правда, досталось не самое открытое и привлекательное — в фойе выставки, с самого краю у перехода в другой зал. Однако это не испортило нашего с Андреем Ти-

временных писателей.

Некоторые пожилые люди приходили на выставку в течение двух-трёх дней и вертели в руках одну и ту же книгу, перелистывали и не решались купить. Бегом они обходили все близлежащие стенды, и брали бесплатную газетку, видимо, на остальное у них просто не хватало денег. Печальная, скорбная и тёмная картина.

И всё же основную нашу зада-

Яна САФРОНОВА

Книжная ярмарка ВДНХ

мофеевым боевого настроения, и в час дня пятого сентября мы заступили на свою долгую вахту.

Нас ожидало много удивительного! Девяносто процентов людей, которые подходили к стенду на протяжении пяти рабочих дней, были немолды. Больше половины из них оказались писателями, которые либо просто заглянули к нам в гости, либо интересовались условиями приёма в Союз. Попадались критически настроенные личности, которые призывали меня к ответу за то, что их не принимают в ряды писательской братии. "А кто сейчас считается писателем?" — вальяжно спросил меня аккуратно одетый мужчина средних лет. В ответе он, кажется, не нуждался, потому что почти сразу риторически изрёк: — Вот у меня продано в общем шесть миллионов книг по личностному росту. А я не состою в Союзе писателей, получаю, я не писатель? Ну ладно, спасибо. И вот, поговорив таким образом почти сам с собой, тренер личностного роста покинул нашу уютную обитель.

Далее вызвала на разговор женщина, попросившая совета. Мы отошли чуть в сторону от стенда, и она энергично начала излагать мне свою проблему: "Почему меня не печатают? Даже не отвечают на письма. Логично, что если я пишу в отдел писем, спрашиваю, дошло ли до них сообщение, они должны ответить?". Подтвердив кажущуюся логику её речи, я ради интереса спросила, в какие издания она пишет и не получает ответа. "Ну, в "Московский комсомолец", например". Услышав, что я, к сожалению, не могу ей помочь и МК не имеет никакого отношения к месту моего пребывания на выставке, она разошлась и продолжила допрашивать меня, сказав, что я бы должна знать... И ведь вот что странно: множество людей, которые пробуют себя в литературе, настолько озабочены немедленной, экстренной публикацией, что даже не трудятся разведать обстановку. Словно белки, бесконечно бегущие в своём колесе, они не видят, что происходит вокруг этого подвижного механизма. Что вокруг есть квартира, дома, деревья, что за пределами колеса — целый мир.

То же самое и с молодыми. Два юноши, представившиеся молодыми авторами, не удовлетворившись информацией о существовании регулярных семинаров Совета молодых литераторов и возможностью обсудить на них своё творчество. Они начали выведывать у меня, как можно побыстрее вступить в Союз или напечатать книгу, могу ли я дать рекомендацию или свести с издателем. Свой вес в литературном мире они мерили друзьями — членами Союза: "А вот у меня друг один есть, тоже

состоит в Союзе. Теперь ещё вот ты, и ещё одного бы найти, и ещё бы опубликоваться...". Я так и не поняла, в чём цель этих ребят. Видимо, главное — звание писателя, а качество написанного — уже дело десятое.

Отдельная категория покупателей — люди настолько несчастные, усталые и озлобленные, что на ярмарку они приходят избавиться от отрицательных эмоций. Яркое запомнилась старушка, которая подошла к стенду и начала орать отборным матом, ругая страну, власть и бездельников, которые целыми будними днями шлются по выставке. Когда она отошла, высказавшись, мы переглянулись и почти в унисон заключили: "Накопились". Ведь и правда накопились.

Позабавила женщина, минут пять разглядывавшая книги и постоянно восклицавшая: "Вот ведь, ну просто как будто прошлый век! Ну прошлый век ведь, машина времени!". Так и не поняла, положительная это была характеристика или отрицательная, на мои вопросы она в своём экзальтированном состоянии не отвечала. Ужасно одинокие, некоторые приходили просто поговорить о прошлом, о лучших временах, где они могли свободно ориентироваться в литературном процессе и знали со-

вхождения в литературу, современном состоянии прозы. А на поэтическое вечере, который вёл мой мастер, поэт Александр Александрович Бобров, выступили поэты и певцы самых разных поколений. Особенно трогательна была студентка-первокурсница МГИК по специальности "Литературное творчество" Елизавета Марьянов. Буквально вчера поступившая в институт, она невероятно волновалась и пела по-девичьи чисто и красиво. Жаль, что увидело это мало людей, только самый тесный круг писателей. Но в том была не наша вина. Организаторы ярмарки не предупредили до её начала о том, что залы для выступлений — это отдельные комнаты с самыми обычными офисными дверями, в коридоре, куда редко забредает праздный посетитель ярмарки. Но сама возможность собраться и услышать друг друга всё равно очень ценна.

...Паковались с лёгким сердцем. За час до конца ярмарки уже все начали собираться. В отличие от Красной площади летом, книги бесплатно в последний час мы не раздавали. Увезли в Союз и оставили до следующей книжной ярмарки с полной уверенностью, что она у нас будет.

Геннадий ВЕРЕЩАГИН
ОПЯТЬ УТРЁМСЯ? (17.09.2018)

Опять утрёмся?

(Ведь они ж партнёры!)

На дыбу вздёрнем русскую судьбу?

А предки, что сворачивали горы,

Перевернутся вновь в своём гробу?

Доколь терпеть нам униженья сытых?

Весь Запад сгнил как тот трухлявый пенё.

*Россия миру всей душой открыта,
От и плютят в неё — кому не лень.
Опять утрёмся? Не пора ль ответить?!
Иль стали неспособны на дела?
Иль над Кремлём звезда Давида светит,
Сковав шестиугольником Орла...
Или нам жизнь стала дороже чести?
Или к врагу я мягок, а не строг?
Сегодня одного хочу я — мести!
Я русский, православный! С нами Бог!*